

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-953-959

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

МНЫХ Павел Сергеевич,
 магистрант 1-го курса факультета экономики и финансов,
 Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
 Россия; юрист частной практики в сфере банкротства,
 Санкт-Петербург, Россия,
 тел.: +7-981-938-48-68,
 e-mail: lawyer_psm@bk.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ

Аннотация. Рассматриваются частноправовые последствия применения генеративного искусственного интеллекта при оказании юридических услуг. На основе анализа российского права, судебной практики и зарубежных материалов обосновывается невозможность автоматического переноса ответственности с исполнителя на алгоритм. Выявляются пределы передачи клиентских сведений внешним цифровым сервисам и предлагается дифференцированный стандарт проверки результатов искусственного интеллекта в зависимости от юридической значимости задачи. Сделан вывод о необходимости договорной определенности и обязательного человеческого контроля при подготовке юридически значимых документов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридические услуги, договорная ответственность, право, судебная практика, добросовестность, арбитражный процесс, гражданский процесс.

Для цитирования: Мных П. С. Искусственный интеллект в юридической деятельности: ответственность, добросовестность и достоверность // Образование и право. 2026. № 10. С. 953–959.

MNYKH Pavel Sergeevich,
 First-year master's student, Faculty of Economics and Finance,
 North-West Institute of Management, RANEPA,
 Russia; private practice lawyer specializing in bankruptcy,
 Saint Petersburg, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROVISION OF LEGAL SERVICES: CONTRACTUAL LIABILITY, GOOD FAITH, AND RELIABILITY OF LEGAL INFORMATION

Annotation. This article examines the private law implications of using generative artificial intelligence in the provision of legal services. Based on an analysis of Russian law, judicial practice, and foreign legal materials, it argues that liability cannot be automatically shifted from the legal service provider to an algorithm. The article identifies the limits of disclosing client information to external digital services and proposes a differentiated standard for verifying AI-generated outputs depending on the legal significance of the task. It concludes that contractual clarity and mandatory human oversight are essential when preparing legally significant documents.

Key words: artificial intelligence, legal services, contractual liability, law, judicial practice, good faith, commercial litigation procedure, civil procedure.

For citation: Mnykh P. S. Artificial intelligence in the provision of legal services: contractual liability, good faith, and reliability of legal information. Education and law. 2026;(10):953–959. (In Russ.).

Введение

Широкое распространение искусственного интеллекта (далее — ИИ) в 2026 году меняет способы подготовки юридических заключений, договоров, процессуальных документов и обзоров судебной практики. Возникает частноправовая проблема распределения рисков между заказчиком юридической услуги, ее исполнителем и поставщиком цифровой технологии.

Исследователи отмечают влияние цифровизации на правовую коммуникацию и регулирование [1; 2], но предостерегают от отождествления связного текста модели с профессиональным юридическим суждением [3]. Проблемы правовой природы искусственного интеллекта рассматриваются и в отечественной доктрине [4]. Цель исследования — определить возможные частноправовые пределы использования ИИ в юридической работе (работа в судах, в частных юридических компаниях, составление документов для частных лиц) и обосновать требования к проверке его результатов. Применяются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы и анализ судебной практики. Научная новизна состоит в предлагаемой модели дифференцированного контроля, учитывающей юридические последствия ошибки, проверяемость машинного вывода и конфиденциальность исходных данных.

1. Создание ИИ и его значение в юридической науке

В 1950 г. Алан Тьюринг в своей статье «Computing Machinery and Intelligence» («Вычислительные машины и разум») поставил вопрос о машинном мышлении, предложив исследовать его с помощью имитационной игры [5]. Термин *artificial intelligence* (дословно — «искусственный интеллект») получил распространение благодаря Дартмутскому проекту 1956 г., подготовленному Дж. Маккарти и его соавторами [6]. Одним из ранних примеров применения ИИ к юридическим задачам стала экспертная система TAXMAN, исследованная Л. Т. Маккарти в 1977 г. Она моделировала применение правил американского налогового права к формализованным случаям корпоративных реорганизаций [7]. В отличие от современных языковых моделей такие системы действовали преимущественно в рамках заданных правил.

Такие модели способны суммировать документы и предлагать аргументацию, но их ответы строятся вероятностным способом. Эксперименты демонстрируют ошибки даже при работе с относительно простыми юридическими правилами [8]. Поэтому оценивать их следует исходя из последствий использования непроверенного результата, а не убедительности изложения.

Для целей настоящего исследования сле-

дует различать вспомогательную деятельность — стилистическую правку обезличенного текста, подготовку структуры документа — и формирование юридически значимого вывода: определение применимой нормы, расчет срока, оценку доказательств, формулирование требований или анализ судебной практики. Такое разграничение позволяет связать техническую функцию системы с конкретной обязанностью исполнителя перед доверителем либо заказчиком.

2. Как разделить ответственность за использование ИИ

Правовые отношения между юристом и клиентом могут иметь различную договорную конструкцию. В зависимости от обстоятельств к ним применяются положения об обязательствах, договоре возмездного оказания услуг и иные относимые нормы. При судебном представительстве требования к образованию и профессиональному статусу представителя определяются соответствующим процессуальным кодексом; поэтому нельзя считать обязательным наличие высшего юридического образования у любого представителя по каждому гражданскому делу.

В силу ст. 309 ГК РФ обязательство должно исполняться надлежащим образом, а положения ст. 779 и 783 ГК РФ имеют значение для квалификации отношений по оказанию услуг. Сам по себе выбор программного инструмента не изменяет сторону обязательства: обязанным перед клиентом остается согласованный исполнитель.

Ошибочное заключение либо ссылка на несуществующий судебный акт требуют оценки действий самого исполнителя. Статьи 15 и 393 ГК РФ предусматривают возмещение убытков при установлении необходимых условий ответственности, включая нарушение обязательства и причинную связь. Использование цифрового инструмента не исключает оценки поведения исполнителя по ст. 401 ГК РФ. Следует разграничивать: (1) редакционную помощь ИИ при самостоятельной проверке смысла и источников; (2) использование правовой позиции без проверки; (3) передачу модели принятия юридически значимого решения, повлекшую пропуск срока, ошибку в требованиях либо раскрытие сведений клиента. Степень фактической проверки и характер наступивших последствий могут существенно влиять на оценку качества исполнения.

У большинства ИИ имеется возможность планирования действий, данная функция дает возможность возложить на ИИ список дел, которые необходимо выполнить в определенные сроки, и нельзя не оставить без внимания, что человек может забыть и такой задаче, и изготовленные таким образом документы, могут быть использованы

без проверки.

Предлагается исходить из принципа функциональной ответственности: юридическое значение имеет не указание в договоре факта использования ИИ, а то, какую профессиональную функцию фактически делегировали программе, какие разумные меры проверки были доступны и имела ли причинная связь между их непринятием и вредом. Согласие клиента на использование технологии само по себе не означает согласия на ошибки и не устраняет императивные пределы ограничения ответственности, включая положения п. 4 ст. 401 ГК РФ.

В большинстве случаев, при заключении между исполнителем в лице юриста и заказчика на оказание юридических услуг будет отсутствовать какое-либо упоминание о возможности использования искусственного интеллекта.

3. Конфиденциальность клиентской информации и правомерность передачи данных

При использовании общедоступного цифрового сервиса юрист рискует раскрыть не только персональные данные, но и коммерческие сведения, содержание переговоров, финансовую информацию, материалы внутреннего расследования и стратегию судебного спора.

Обработка персональных данных регулируется Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Статья 6 устанавливает основания обработки и условия ее поручения иному лицу; ст. 19 предусматривает меры по обеспечению безопасности данных. Передача информации ИИ требует самостоятельной оценки роли поставщика сервиса, целей обработки, правового основания, мер защиты и условий дальнейшего использования информации. Общедоступность сервиса не является разрешением передавать в него персональные данные клиента.

Использование иностранной платформы требует отдельной оценки положений ст. 12 Закона № 152-ФЗ о трансграничной передаче и ч. 5 ст. 18 о требованиях к базам данных при сборе персональных данных граждан Российской Федерации. Наличие согласия клиента не во всех случаях заменяет соблюдение иных предусмотренных законом условий, а «обезличивание» должно оцениваться по фактической возможности повторной идентификации. Необходимо учитывать, что исключение имени и фамилии из текста договора не обязательно устраняет идентифицируемость по сочетанию иных реквизитов.

При наличии установленного режима коммерческой тайны применяется Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». Его ст. 10 связывает охрану конфиденциальности с определенными организационными

мерами обладателя информации. Для адвоката дополнительно действует специальный режим ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокатскую тайну составляют сведения, связанные с оказанием юридической помощи доверителю. Однако распространять этот специальный режим автоматически на каждого юриста без статуса адвоката неправильно. В остальных случаях значимы договорные условия, нормы о персональных данных и предусмотренные законом охраняемые тайны.

Предлагается применять принцип минимально необходимой передачи. До обращения к модели определяются цель обработки, правовое основание, получатели и состав данных, условия хранения и повторного использования. Для общедоступного сервиса предпочтительны обезличенные вводные, исключающие идентификацию клиента и раскрытие стратегии спора; при работе с охраняемыми сведениями требуется подходящий правовой и технический режим. Полученное от клиента согласие не отменяет обязанности соблюдать другие применимые требования закона и договора.

4. Добросовестность ИИ: критерии проверки результата

В настоящее время ИИ может создавать убедительно сформулированные, но недостоверные ссылки на нормы и судебные решения: вымышленные акты, ошибочные реквизиты, несуществующие цитаты и ссылки на устаревшее регулирование. Исследования подтверждают наличие юридических «галлюцинаций» [9] и в системах, специально предназначенных для правового поиска [10]. Однако результаты таких исследований зависят от изученных моделей и тестов; их нельзя без проверки переносить на российские условия.

За последние годы сложилась практика, что ИИ может быть как полезен, так и нести вред для пользователя.

Характерным примером негативных последствий использования ИИ служит дело *Mata v. Avianca, Inc.* (678 F. Supp. 3d 443, S.D.N.Y., 2023). Определением от 22 июня 2023 г. (№ 22-cv-1461, Document 54) Федеральный суд Южного округа Нью-Йорка установил факт представления адвокатами несуществующих судебных решений и цитат, сгенерированных ChatGPT, и назначил штраф в размере 5 000 долл. США солидарно двум адвокатам и юридической фирме. Санкция была связана не с фактом обращения к ИИ как таковым, а с представлением недостоверных материалов и последующим поведением представителей.

В 2024 г. в Австралии было рассмотрено

одно из интереснейших дел относительно вовлеченности юриста в действия ИИ при разрешении судебного спора.

В Австралии в деле Dayal [2024] FedCFamC2F 1166 Федеральный окружной и семейный суд Австралии (Отделение 2) 27 августа 2024 г. рассмотрел вопрос о профессиональном поведении солиситора (в странах англо-саксонского права так называют юристов занимающихся консультированием клиентов, представительством в судах). Юрист представил список судебных решений и их краткое содержание, подготовленные с помощью ИИ-инструмента, встроенного в используемое им юридическое программное обеспечение. В действительности указанные решения не существовали. Солиситор признал, что не проверил результат работы системы, принёс суду безусловные извинения и добровольно возместил другой стороне расходы, связанные с заседанием 19 июля 2024 г.

Суд распорядился направить материалы о поведении солиситора в Office of the Victorian Legal Services Board and Commissioner — орган, осуществляющий профессиональное регулирование юридической деятельности в штате Виктория. Сам судебный акт от 27 августа 2024 г. не устанавливал ограничения права на практику: этот вопрос позднее разрешил регулятор.

19 августа 2025 г. Victorian Legal Services Board изменил условия допуска указанного юриста к практике. В частности, он утратил право вести практику в качестве руководителя, распоряжаться доверительными средствами и самостоятельно управлять фирмой; ему предписано работать только в качестве наёмного солиситора под надзором в течение двух лет. Эти меры подтверждены официальным сообщением регулятора от 2 сентября 2025 г.

Указанная выше практика указывает, что ответственность может возникнуть вследствие отсутствия или недостаточности контроля юриста за подготовкой им или подконтрольных ему специалистов при использовании ИИ.

Российская судебная практика 2026 г. позволяет сопоставить требования к достоверности представляемых суду сведений и раскрытию факта применения ИИ. В пункте 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» прямо указано, что участвующие в деле лица, представившие суду сведения о фактах, полученные с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду. Разъяснение относится к происхождению сведений о фактах в гражданском процессе и само по себе не устанавливает обязанности

обозначать любую стилистическую правку процессуального документа с использованием ИИ.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, хотя прямо и не выделяют принцип добросовестности, но как минимум в совокупности с другими принципами обязывает сторон действовать добросовестно.

Далее указана практика отражающая как раз таки недобросовестность стороны при подготовке процессуальных документов для суда и сторон.

Арбитражный суд Западно-Сибирского округа определением от 14 мая 2026 г. № Ф04-5138/2026 по делу № А27-7831/2025 наложил на ООО «ЦСС» судебный штраф 50 000 руб. за проявление неуважения к суду. Кассационная жалоба общества содержала ссылки на несуществующие судебные акты и цитаты, отсутствовавшие в реальных решениях. Суд указал, что ответственность за содержание жалобы несёт участвующее в деле юридическое лицо, от имени которого документ подписан представителем (ч. 2 ст. 9, ст. 41, ч. 5 ст. 119 АПК РФ). Ссылки на использование ИИ не освобождают от обязанности проверять представляемые суду материалы.

В данном случае, штраф судом был наложен на организацию, а не лично на представителя стороны, представляющего интересы и занимавшегося подготовкой процессуального документа.

Вместе с тем часть 5 статьи 119 АПК РФ допускает наложение судебного штрафа за неуважение к суду и на представителя лично при наличии соответствующих оснований. Следовательно, при определении субъекта процессуальной ответственности значение имеют конкретное нарушение, совершившее его лицо и процессуальные обстоятельства, а не только факт использования ИИ.

Особого внимания заслуживает определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 301-ЭС21-23756(4) по делу № А82-22452/2018. Представитель кредитора — общества «Норд» — Иринин А. Е. сослался в отзыве на пункт 15 постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48, хотя указанное постановление состоит лишь из 14 пунктов. Верховный Суд расценил использование несуществующей правовой позиции как попытку ввести суд в заблуждение и передал в суд первой инстанции вопрос о наложении судебного штрафа лично на представителя, а также отдельно на общество. Сам Верховный Суд штраф не назначил. При этом в определении не установлено, что недостоверная ссылка была создана с помощью ИИ. Следовательно, данный акт уместно использовать как пример персональной процессуальной ответственности представителя за содержание

документа, а не как доказанный случай применения генеративного ИИ.

Указанная судебная практика делает акцент на различиях между обычным раскрытием происхождения фактических сведений и ответственностью за недостоверные сведения. В арбитражном процессе вопрос о штрафе решается с учетом состава нарушения и субъекта ответственности; использование ИИ само по себе не признается правонарушением. Для частноправовых отношений между клиентом и юристом это дополнительно обосновывает необходимость проверяемой процедуры профессионального контроля.

Применительно к российскому правопорядку предлагается двухэтапная содержательная проверка: сначала проверяется существование и актуальность источника в официальных или надежных правовых базах, затем — правильность юридического вывода из источника применительно к установленным обстоятельствам дела. Юрист должен использовать собственную стратегию поиска, а не принимать отсутствие результата в модели за отсутствие правового источника. Дополнительно необходимо проверять арифметику, даты, наименования сторон и соотношение процессуальных требований с действующими правилами судопроизводства.

Достоверность информации имеет временное измерение. Ответ модели, основанный на прежней редакции закона, способен быть формально логичным и одновременно юридически непригодным. Поэтому фиксация даты проверки, редакции нормативного акта и реквизитов использованного судебного решения составляет часть воспроизводимого профессионального анализа, особенно в делах о банкротстве, корпоративных конфликтах и процессуальных спорах, где фактические и правовые обстоятельства быстро изменяются.

5. Зарубежные подходы и пределы их заимствования

Зарубежный опыт показывает, что регулирование юридического использования ИИ преимущественно строится вокруг обязанностей человека. В США Американская ассоциация юристов в Formal Opinion 512 от 29 июля 2024 г. рассмотрела компетентность юриста, конфиденциальность, взаимодействие с клиентом, разумность гонорара и проверку результатов систем ИИ. Подобные вопросы профессиональной этики исследуются и в научной литературе [11]. Хотя зарубежные профессионально-этические стандарты непосредственно в России не действуют, они позволяют сопоставить варианты организации контроля.

Для настоящего исследования существенна логика американского подхода: обязанность про-

фессиональной проверки не устраняется технической новизной инструмента. Указанный документ не обосновывает изречение, будто любое использование ИИ обязательно должно сопровождаться отдельным согласием клиента; характер раскрытия информации и необходимость согласования зависят от рисков и применимых профессиональных правил.

Регламент Европейского союза 2024/1689 (AI Act) применяет риск-ориентированный подход. Приложение III данного Регламента предусматривает особые требования к отдельным системам, предназначенным для содействия судебным органам в установлении фактов и применении права. Это не означает отнесения любого юридического текстового помощника к высокорисковым системам. Защита персональных данных в ЕС регулируется также GDPR (Регламент 2016/679).

Для российского частного права эти материалы полезны прежде всего при разработке договорных процедур и стандарта разумной осмотрительности, а не в качестве оснований для прямого применения иностранных санкций или переноса иностранных профессиональных кодексов.

6. Предлагаемый стандарт профессионального использования ИИ

С учетом рассмотренных рисков предлагается дифференцированный стандарт обращения с результатами запроса, направленного ИИ. Его исходная предпосылка состоит в том, что юридически значимый результат нельзя оценивать только по тому, был ли текст создан человеком или машиной. Требуется соотнести предмет задачи с вероятностью причинения клиенту вреда и с возможностью независимой проверки.

Первый уровень — низкий риск: стилистическая правка обезличенного текста и техническое форматирование; проверяются сохранность смысла и состав раскрываемых сведений. Второй — средний риск: аналитические справки, подбор аргументов, проекты договоров; необходимы сверка нормативных источников и фактов. Третий — высокий риск: процессуальные сроки, документы для суда, расчеты, оценка перспектив спора, работа с конфиденциальным досье; требуются полная проверка норм, судебных актов, фактов, расчетов и утверждение результата юристом.

Дифференциация строится на трех критериях: (1) возможные последствия ошибки; (2) самостоятельность вывода модели; (3) наличие защищаемой информации. Предлагаемый алгоритм таков: квалифицировать исходные данные и выбрать допустимый сервис; ограничить передаваемые сведения; независимо подтвердить факты, нормы и судебные акты; зафиксировать существенные проверки; утвердить окончательный

документ. Это авторское предложение об организации договорного исполнения, а не единая установленная законом процедура. Его достоинство — возможность впоследствии оценить разумность действий исполнителя при споре о качестве юридической услуги.

Также немаловажно рассмотреть возможность утверждения на законодательном уровне в Российской Федерации более строгих санкций за использование ИИ при подготовке к судебным заседаниям.

Возможно стоит перенять опыт юридических сообществ из иностранной практики, вплоть до лишения определенного статуса, приостановления деятельности за подлог данных, отраженных в процессуальных документах, не соответствующих принципу добросовестности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в настоящее время ИИ для юридического сообщества следует рассматривать лишь как инструмент, помогающий в упрощении небольших юридических задач. Вопрос об ответственности перед клиентом разрешается по общим и специальным нормам, регулирующим конкретное обязательство, с учетом нарушения, причинной связи и иных юридически значимых условий.

Во-вторых, достоверность правовой информации требует независимой проверки судебных актов, цитат и действующей редакции закона. Российская практика 2026 г. подтверждает, что использование ИИ не устраняет процессуальную ответственность за недостоверные сведения; при этом указание на применение ИИ по п. 42 постановления Пленума ВС РФ № 15 обязательно в связи с представлением полученных с его помощью сведений о фактах, но не при любой стилистической обработке документа.

В-третьих, для организации юридической практики предлагается своеобразный стандарт контроля, связывающий глубину проверки с тяжестью последствий ошибки, самостоятельностью машинного вывода и чувствительностью сведений. Эта конструкция может использоваться при разработке договоров юридических услуг, внутренних регламентов и при оценке обстоятельств возможного ненадлежащего исполнения.

Следовательно, нельзя говорить о полном запрете использования искусственного интеллекта в юридическом сообществе, а обеспечивать проверяемость юридически значимого результата. Окончательное профессиональное суждение и ответственность за составленный и направленный в суд, сторонам документ не могут быть переложены на алгоритм, и ответственность непосред-

ственно лежит на пользователе-юристе.

Список литературы:

- [1] Разуваев Н. В. Право цифрового общества: актуальные проблемы и пути развития // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 3. С. 9–20.
- [2] Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
- [3] Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35. No. 4. P. 1305.
- [4] Morkhat P. M. Iskusstvennyi intellekt: pravovoi vzglyad: nauchnaya monografiya [Artificial intelligence: a legal perspective: a scientific monograph]. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p.
- [5] Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. P. 433–460.
- [6] McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27. No. 4. P. 12–14.
- [7] McCarty L. T. Reflections on “Taxman”: An Experiment in Artificial Intelligence and Legal Reasoning // Harvard Law Review. 1977. Vol. 90. No. 5. P. 837–893.
- [8] Blair-Stanek A., Holzenberger N., Van Durme B. Can GPT-3 Perform Statutory Reasoning? // Proceedings of the 19th International Conference on Artificial Intelligence and Law. 2023. P. 22–31.
- [9] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. 2024. Vol. 16. No. 1. P. 64–93.
- [10] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22. No. 2. P. 216–242.
- [11] Walters E. The Model Rules of Autonomous Conduct: Ethical Responsibilities of Lawyers and Artificial Intelligence // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35. No. 4. P. 1073.

References:

- [1] Razuvaev N. V. Law of the Digital Society: Current Issues and Paths for Development // Russian Journal of Legal Studies. 2021. Vol. 8. No. 3. pp. 9–20.
- [2] Talapina E. V. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects // Journal of Russian Law. 2018. No. 2. pp. 5–17.
- [3] Surden H. Artificial Intelligence and Law: An Overview // Georgia State University Law Review.

2019. Vol. 35. No. 4. p. 1305.

[4] Morkhat P. M. Artificial Intelligence: A Legal Perspective (Scientific Monograph). Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p.

[5] Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. pp. 433–460.

[6] McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27. No. 4. pp. 12–14.

[7] McCarty L. T. Reflections on “Taxman”: An Experiment in Artificial Intelligence and Legal Reasoning // Harvard Law Review. 1977. Vol. 90. No. 5. pp. 837–893.

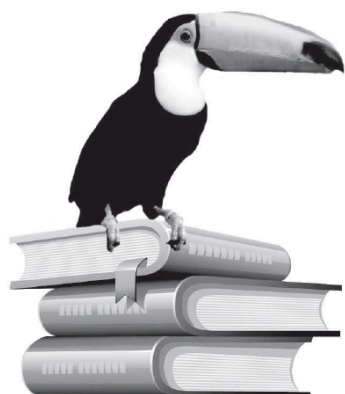
[8] Blair-Stanek A., Holzenberger N., Van Durme B. Can GPT-3 Perform Statutory

Reasoning? // Proceedings of the 19th International Conference on Artificial Intelligence and Law. 2023. pp. 22–31.

[9] Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D. E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // Journal of Legal Analysis. 2024. Vol. 16.No. 1. P. 64–93.

[10] Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C. D., Ho D. E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // Journal of Empirical Legal Studies. 2025. Vol. 22.No. 2. P. 216–242.

[11] Walters E. The Model Rules of Autonomous Conduct: Ethical Responsibilities of Lawyers and Artificial Intelligence // Georgia State University Law Review. 2019. Vol. 35.No. 4. P. 1073.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.